

Елена Зеленская поет леди Макбет в постановке модного и амбициозного Эймунтаса Някрошюса, а высочайшую оценку ее вокалу поставил сам Георг Шолти — двух этих имен понимающему человеку достаточно, чтобы сообразить: звезда. Беседа с примой Большого, как водится, о творческих планах, убеждаешься в том, что вся жизнь обладательницы замечательного сопрано будто подчинена какому-то другому, предположительно высшему, плану: родиться в музыкальной семье, впервые подать впечатляющий голос на собственных крестинах, получить в музыкальной школе вердикт “нет слуха”, но — оцените упрямство судьбы — поступить-таки в консерваторию, и далее — со всеми остановками — к мировому признанию.

Даже московская квартира Зеленской расположена по соседству с театром — там-то она и принимала корреспондента “МК-Бульвара”.

— О некоторых певцах говорят, что они запели раньше, чем заговорили. К вам это относится?

— Да, петь я начала буквально сразу — во всяком случае, издавать звуки, видимо, считая, что это пение. Меня невозможно было остановить. Мои две бабушки тайком взяли меня в храм крестить, скрывая от папы и мамы. Там, в церкви, согласно семейной легенде, несмотря на то что я была спокойным ребенком, я стала громко кричать. И окружающие бабушки сказали: надо же, какой голос — певицей будет!

— Ваше детство прошло в Баку?

— Баку — город, в котором я родилась. Бабушка рассказывала мне, как их семья переехала туда из Дрездена после войны. (Дедушка был военным.) В тот момент город был совершенно пустым. Бабушке предложили выбрать любую квартиру — которая по душе. На семейных торжествах у нас в доме всегда звучала музыка. Мама закончила десятилетку по фортепиано. Бабушка профессионально играла на гитаре и пела. А про дедушку папа рассказывал, что, когда он просто говорил, его было слышно в соседних домах — такой у него был бас-профундо.

— В такой семье, конечно, нельзя было не стать вундеркиндом?

— Началось с того, что в шесть лет меня не приняли в музыкальную школу при консерватории: сказали маме, что у меня... нет слуха. Тогда меня отдали в хор Дворца пионеров. Я была расстроена, что меня поставили во вторые голоса. Я была очень возмущена: я родилась первого июня — и должна была везде быть первой! В 9-м классе папа привел меня в консерваторию к известному

профессору Керимову — прослушаться. Понравилась ему, и он посоветовал мне поступать на подготовительное отделение после школы. Но опять возникла проблема: я закончила школу в 17 лет, а на вокальное отделение принимают с 19. Но мой папа был оптимист и максималист по натуре. Он торопился жить — перенес к этому времени два инфаркта... Мы пришли к ректору. И папа сказал: “Я обещаю, что моя дочь принесет вам награды, и вы будете гордиться ею”. Я спела, и меня приняли. И действительно, я закончила консерваторию с красным дипломом. А вскоре умер мой папа, и я очень сожалею, что он не дождался сегодняшнего дня...

— Как попасть в Большой театр? Когда-то для этого существовали конкурсы. Теперь все больше говорят о протекции. Как это удалось вам?

— Я была солисткой “Новой оперы”, когда меня пригласили в Большой на партию Тоски (1996 год. — “МКБ”). Потом — “Свадьба Фигаро”: новый спектакль, который я пела в Вене до этого. Совмещать “Новую оперу” и Большой было невозможно, и, хотя мне не хотелось расставаться с маэстро Колобовым, я решилась.

— Среди западных звезд распространяется практика страхования источника их дохода: одни страхуют ноги, другие — бюст. Не думали о том, чтобы застраховать голос?

— Мне много раз предлагали это. Пока я серьезно над этим не думала. Но считаю, что это нужно. Все может быть. Голос держится на двух тонких волосинках-связках...

— Чем вы жертвуете во имя голоса, во имя профессии?

— Многим. Во-первых, у меня всего один ребенок. Я очень жалею об этом. Я счастлива, что у меня есть сын. В тот момент, когда он родился, я подумала: я сделала главное в жизни — дала жизнь другому человеку.

— Вы соблюдаете режим?

— Перед спектаклем я должна выспаться. Просыпаюсь я рано. Но люблю днем заснуть. Ночь перед спектаклем я сплю одна. И люблю провести один день до спектакля, чтобы исключить малейшие моменты, которые меня раздражают. Это тяжело. Но это наша жизнь. Мы все к этому стремились. И когда певцы говорят: “как мне это надоело” — я не верю, это кокетство.

— Есть в вашей семье культ артистки?

— Все мои друзья говорят, что у меня идеальный муж для певицы. Он готовит. В мое отсутствие он полностью занят ребенком.

— Как вы познакомились с мужем?

— Это была романтическая история. Я прослушивалась на конкурс имени Марии Каллас в Бакинской филармонии. Мне было только 19 лет, но

«Театр без интриг не театр. У нас закалка происходит еще с консерватории, но театр — это особая стихия. Исполняя «Тоску», я была одна на женской стороне за кулисами: Тоска — единственная женская партия в этой опере. Я чувствовала себя одиноко. Это был дебют, я очень волновалась. Но никто меня не приободрил. Единственный человек, который меня поздравил совершенно искренне, был дирижер Павел Сорокин. На спектакле еще была Ирина Архипова, которая после 2-го акта пришла и очень меня хвалила».